

- ная историография славяноведения и балканистики. М., 1986.
8. Schmid W. P. Indogermanistische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte // Abh. der Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz, 1978. № 1.
9. Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.
10. Поливанов Е. Д. Фонетические конвергенции // ВЯ. 1957. № 3.
11. Дыбо А. В. К истории традиционных

- антропометрических терминов (среднеазиатская мера длины *qari* и др.) // СТ. 1989. № 1.
12. Климов Г. А. К типологической реконструкции // ВЯ. 1980. № 1.
13. Bereczki G. A Volga-Kama-vidék nyelveinek arealis kapcsolatai // Arealis nyelvetzetí tanulmányok. Bp., 1983. 219. 1.
14. Серебrenников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Хелимский Е. А.

Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. Илляции и парадоксы в лексике и семантике. М.: Высшая школа, 1989. 201 с.

Проблемы типологии языковых категорий в последние десятилетия все более выдвигаются на первый план лингвистических исследований. К сожалению, основное внимание в этих исследованиях, как правило, уделяется универсалиям в области фонологии, морфологии, морфологии и синтаксиса. Универсалии же на лексико-семантическом уровне остаются как бы в тени, если не считать весьма робких единичных попыток частных обобщений в этой области [1—5].

Рецензируемая монография М. М. Маковского в известной мере восполняет этот пробел. Основной частью рассматриваемой работы является «Краткий сравнительно-семасиологический словарь индоевропейских языков» (гл. 2, с. 35—195). Ему предпослана небольшая теоретическая глава «Слова, слова, слова...» (с. 5—34), в которой выдвигаются весьма интересные и смелые гипотезы. Так, автор предлагает различать внешнюю и внутреннюю семиотику; внешняя семиотика — это средства языкового осуществления коммуникативного акта между говорящими; внутренняя семиотика описывается следующим образом: «... определенные элементы языка, комбинируясь друг с другом в бесконечных качественно и количественно неодинаковых последовательностях, создают определенный текст „генетической“ информации, который регулирует и прогнозирует возможные и невозможные, обязательные и необязательные пути существования, сосуществования и эволюции отдельных звеньев языкового механизма, накладывают „запреты“ на одни участки языкового пространства! и снимает их с других» (с. 7). Иными словами, «та или иная языковая схема (она может охватывать

как определенные, так и самые различные лексические и семантические единицы) задает алгоритм, т. е. структурное моделирование отдельных участков языкового пространства в пределах того или иного временного отрезка существования языка» (с. 7).

Вместе с тем автор указывает, что эволюция языка на различных этапах его существования имеет неодинаковые качественные и количественные характеристики, что в свою очередь является следствием изменения внутренней семиотики. Он пишет: «...в одни исторические периоды (обычно наиболее ранние, на заре становления человечества) имеются неограниченные языкотворческие возможности, в другие периоды они ограничиваются (на них в той или иной мере накладывается „запрет“) или же сводятся к минимуму. С другой стороны, в более поздние периоды существования языка проявляются наиболее сложные формы взаимодействия языковых элементов... Интересно, что в социальных диалектах нередко повторяются языкотворческие потенции, характерные для наиболее ранних периодов существования языка» (с. 10). И далее: «Нерасчлененность значений, широкое развитие многозначности, при которой в пределах одного слова объединяются значения, не имеющие между собой ничего общего (по крайней мере чисто внешне), характерны именно для ранних стадий развития языка. В более поздние периоды существования языка появляются более „утонченные“ способы образования значений (например, метафоризация), а отдельные слова, значения которых были связаны между собой, настолько отделяются друг от друга, что становятся разными словами, чье род-

ство вскрывается только специальным лингвистическим анализом» (с. 10).

Появляются наиболее сложные формы взаимодействия языковых элементов: контаминации (наслоения форм и значений различных слов друг на друга), комбинаторные преобразования, количественные и качественные изменения связей как внутри слова, так и между словами.

В этом отношении интересно указание автора на то, что в первобытном обществе различные действия и предметы, относящиеся к одной и той же производственной операции или ритуальному действию, нередко обозначались одним и тем же корнем, причем соответствующие слова нельзя признать омонимами [6]. Автор приводит следующий любопытный материал в подтверждение этого тезиса.

1. Литов. *dobiti* «бить», др.-англ. *to dub* «бить», кельт. *(s)tebio* «я смеюсь», литов. *stebiti* «удивляться, быть заколдованным», *stebeklysi* «чудо», русск. *доболый* «сильный, смелый», *дебелый* «полный, толстый», гот. *stibna* «голос», кельт. *teb* «дотронуться, пробовать», кельт. *tab* «бросать», *tepo* «жесть», русск. добрый, кельт. *dubron* «вода», *dubos* «темный», англ. *stab* «вонзять нож», англ. диал. *dobby* «привидение», *dobby* «фея», *dyb* «вкусать, получать удовольствие», *dub* «небольшая лужа», *dubbin(g)* «жир», *toб* «бросать», англ. *stop* «останавливаться».

2. Др.-англ. *lascan* «взять, схватить», *lac* «жертва, дар», *wilanc* «богатый, великодушный», *wilencan* «украшать», но также: *Iseccan* «вердить» (речь идет о жертвоприношении, которое может как спасти, так и погубить), греч. Хью «говорить», др.-англ. *Isece* «врач», лат. *ligare* «связывать»; др.-англ. *Ilcan* «двигаться, прыгать», *Ilc* «игра, борьба»; *lieg* «огонь», *log* «вода», *logian* «заготавливать; класть», нем диал. *Lehe* «серб», др.-сев. *log* «место», нем. *locken* «манить» (с. 33).

Автор принимает во внимание мифопоэтические традиции индоевропейцев. На большом фактическом материале показано, что в основе многих понятий («сильный»; «клятва»; «повозка»; «запах»; «забор, дом, деревня»; «темнота»; «холод»; «работа»; «делать»; «кровь»; «гореть»; «место»; «собака»; «молодой»; «надеяться»; «время»; «пища»; «мир»; «смотреть»; «дерево»; «купить — продать»; «мокрый»; «чистить, украшать»; «шерсть, волосы»; «висть»; «толпа, множество»; «искусство»; «расти»; «число, считать»; «инструмент»; «жир»; «лежать» и др.) лежат понятия «бить, резать» и «гнуть». Эти понятия М. М. Маковский считает древнейшими — связанными с отправлением языческих культов [7, 8]. Он пишет: «Жизнь человека в древности теснейшим образом переплетена с отправлением языческих культов... Можно полагать, что

именно в связи с тем, что основу языческого культа составляло движение (в частности, сгибание ног и рук), а также разрывание, рассечение (жрецы рвали на себе волосы, жертву закалывали и часто разрезали на куски, вводили в экстаз участники культового действия царапали себе лицо и наносили удары друг другу), основными понятиями, которые впоследствии легли в основу огромного числа индоевропейских слов (как конкретных, так и абстрактных), были „гнуть” и „резать” [с. 23—24].

В своих более ранних работах М. М. Маковский на большом фактическом материале показал неправомочность тезиса о произвольности связи означаемого и означающего. По его мнению, означаемое и означаемое являются взаимодополняющими (комплементарными) языковыми средами. В соответствии с этим в рецензируемой монографии автор дает следующее определение слова: «Слово — это диалектическое единство двух различно структурированных комбинаторных сред (на уровне фонетики и на уровне семантики), что в свою очередь свидетельствует о неразрывной связи его формы и значения. При этом, хотя общая схема слов (соединение фоно-морфологического комплекса со значением) является универсальной, каждое отдельное слово того или иного языка представляет собой уникальное образование, организованное на основе присущих только ему комбинаторных схем и обладающее в связи с этим уникальными качественными и количественными свойствами» (с. 9).

Составленный автором «Краткий сравнительно-семасиологический словарь индоевропейских языков» является первым опубликованным в специальной литературе словарем подобного рода и принципиально отличается по своему содержанию, охвату фактического материала и способам его рассмотрения от всех известных до сих пор немногочисленных сравнительно-семасиологических и ономазиологических словарей и.-е. языков. Так, в словаре К. Д. Бака [9] не используется ряд исключительно важных для сравнения индоевропейских языков (осетинский, армянский, тохарский, хеттский и др.), этимологии отдельных слов выдержаны в традиционном плане (в ряде случаев этимологии вообще отсутствуют). В словаре М. М. Маковского на огромном фактическом материале, почерпнутом практически из всех и.-е. языков, под понятийными рубриками, расположенными в порядке русского алфавита («Бедный», «Богатый», «Боль, болезнь», «Большой», «Борода», «Бояться», «Брать», «Вода», «Жертва», «Зверь» и др.), систематизируются основные линии эволюции слов, выражающих соответствующие по-

нятия в индоевропейских языках. Автор отмечает, что отбор рубрик в словаре диктовался теми семантическими переходами, которые казались ему наиболее значительными. Поскольку многие из рассматриваемых автором слов не имеют в литературе удовлетворительной этимологии, при учете имеющихся специальных этимологических исследований отдельных слов на протяжении всей книги приводятся собственные этимологические решения (в книге дается множественная этимология), при этом можно отметить ряд интересных находок. Значения, рассматриваемые в одной рубрике, нередко связываются со значениями соответствующих слов, рассматриваемыми в других рубриках. Автор не ограничивается обычно рассмотрением только одного значения слова и приводит целые этимологические гнезда слов, соотносимые с данным корнем, если они имеются в языке. Ср., например, следующие новые этимологии автора и семантические переходы: «творить, делать» > «колдовать» > * «верх, верхний» (русс. *верх*, но *совершать*, нем. *Werk*, англ. *work*; греч. *ἔργον* < «работа», но хет. *parkus* «высокий» и др., с. 48—49); «схватить» > «получить удовольствие, наслаждаться, съесть» > «война» (речь идет о способах добычи пищи первобытным человеком и потреблением этой пищи): греч. *ρῦοις* «люма, разрываю», литов. *rdgas* «рог», русск. *о-ружие* (**zork-*) литов. *ragduti* «отведать что-л.», греч. *ῥ-ῑς* «танцую, прыгаю», -но нем. *Krieg* «война», *kriegen* «схватить» (с. 57); «книга» <C «колдовство» <C «гнуть» (с. 109—111); «дерево — старый» (ср.: русск. *дерево*, но *древний* — с. 86); «жертвенное животное» > «свежий» > «гореть» [русс. *свежий*, гот. *weihis* «святой», лат. *vic-tima* «жертвенное животное», лат. *vincio* «связываю» (*) < *eg-* «гнуть»; англ. *fresh* «свежий» < **reg-* > **resg-* «гореть», т. е. «очищенный огнем» (с. 171—172)]; «новый» < «близкий» < «гнуть» (ср. англ. *new*, но и. е. **sneu-* «тнуть») и др. (с. 137). Ср. также интересное толкование значения некоторых слов в рецензируемой книге: др.-англ. *hlaf-dige* «служанка». Элемент *hlaf* означает не «хлеб», как обычно утверждается, а «женщина» (ср. глоссу Mt XIX, 6: *wife-hlāfe* : лат. *uxore*) — лат. *laevus* «левый», нем. *schlaff* «слабый». Элемент *dige* в этом слове соотносится автором с гот. *deigan* «мять, производить физическую работу». Интересна приводимая в книге этимология русск. *звезда*, которая автор соотносит с русск. *висеть*, *вешать* и интерпретирует как «висящая в небе» [корень] **kes-* «резать» > **k'es-* >

> *ues-* (с. 100)]. Учитывая, что в древности звезды были объектом поклонения, автор сравнивает русск. *звезда* с осет. *kusyn* «работать, поклоняться», др.-англ. *hus(e)l* «жертвоприношение», гот. *huzd* «драгоценность». Привлекает внимание также этимология русск. *подлинный* < «длинный» (корень **dheh(g)-no* <C **legh-* «огонь»), т. е. «очищенный огнем», ср. другой вариант этого корня **dheg-* «гореть»; типологически ср. русск. диал. *жаровой* «высокий, длинный». Типологические параллели, которые во множестве приводит автор в своей книге, снижают степень гипотетичности семантических реконструкций, способствуя убедительности того или иного семасиологического развития, постулируемого автором.

Таким образом, перед нами тщательно выполненное исследование, дающее в руки лингвистов систематическую сводку наиболее важных семасиологических универсалий в и. е. языках. Исключительную ценность и практическую необходимость подобного исследования, объединяющего в пределах одной книги свод основных семасиологических переходов и этимологических гнезд, трудно переоценить.

К сожалению, в рецензируемой книге много редакционных погрешностей: рубрификация материала не всегда достаточно продумана, в связи с чем нередко разединяется то, что тесно связано между собой, и соединяется то, что должно быть разединено. Так, на с. 95 в статье «жить, жизнь» читаем: **es-*, **esus*, **esos* «дыхание, жизнь», др.-инд. **esen-* «жить, жизнь». В рубрике а) не приводятся дальнейшие связи рассматриваемых корней, которые даются ниже, но уже в рубрике в), а в рубрике б) этимологизируется другой корень: **keg-* «резать» и осет. *eaŋ/taʒipʃ*. Такая рубрификация создаст большие неудобства при пользовании словарем.

В книге встречаются пропуски отдельных форм и слов: так, на с. 76 приводится лат. *agonis* «жрец, убивающий жертву», но это — форма родительного падежа, именительный же падеж *ago* пропущен. На с. 136 в статье «небо» дается ссылка на статью «язык» в словаре М. М. Максковского. Но статья «язык» в словаре отсутствует (видимо, она была снята в редакционном порядке, а ссылка на нее была оставлена). На с. 111 (первая и вторая строки сверху) имеется повторение одних и тех же примеров: др.-англ. *boh* «лук (оружие)», *pohta* «мешок».

В рецензируемой книге много опечаток, есть неточности в надстрочных знаках: знаки ударения стоят там, где они не нужны, например, в латинских словах, но их часто нет в древнегреческих словах, где они обязательны, или они проставлены неверно. Та же неточность со знаком

Ср. англ. диал. *dey* «служанка».

долготы и прочими диакритическими знаками. Досадно также, что хотя в тексте книги имеются отдельные ссылки, в книге отсутствует список специальной литературы.

Рецензируемая монография — результат долгой и кропотливой работы автора — во многих отношениях является уникальным и единственным в своем роде изданием: огромный фактический материал, должным образом упорядоченный, сочетается здесь с интересным творческим осмыслением семасиологических универсалий, многие из которых устанавливаются впервые. Перед нами своеобразная семасиологическая энциклопедия и.е. языков, которая, как представляется, неизменно будет использоваться в сравнительно-исторических исследованиях и станет настольной книгой индоевропеистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимов В. В. Из славянских этимологии // Этимологическое исследование по русскому языку. Вып. 2. М., 1962.

2. Bertschinger M. *To want: An essay in semantics*. Bern, 1941.
3. Cohen M. Genou, adoption et parents en germanique // BSLP. 1927. 17.
4. Frisk Hj. *Wahrheit und Luge in den indogermanischen Sprachen*. Goteborg, 1976.
5. Hoops J. Bight and left in the Germanic languages // *Etudes germaniques*. 1950. 5.
6. Benveniste E. Homophonie radicale en indo-europeen // BSLP. 1955. V. 51, Fasc. 1.
7. Bologna M. P. *Ricerca etymologica e ricostruzione culturale: Alle origini della mitologia comparata*. Pisa, 1988.
8. Chevalier J., Gheerbrant A. *Dictionnaire des symboles*. P., 1979.
9. Buck CD. *A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas*. Chicago, 1949.

Ходорковская Б. В.

Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B.V., 1988. 618 p.

Автор рецензируемой книги, А. Вежбицка, является одним из признанных авторитетов в области современной общей семантики. Широкую известность получила ее работа [1], в которой был предложен формальный аппарат семантического представления высказываний естественного языка (семантический метаязык), а также глубокое исследование по русскому падежу [2]. Эти работы были частично переведены на русский язык [3, 4].

Новая книга А. Вежбицкой под интригующим названием «Семантика грамматики» заслуживает самого серьезного внимания. Вопросы, поднятые в ней, имеют принципиальное значение для современной лингвистики в целом. Дело в том, что весьма плодотворный «штурм» семантики естественного языка, предпринятый в 70—80-е годы и давший ряд блестящих результатов, в какой-то мере уже исчерпал свои ресурсы.

Заслуга А. Вежбицкой состоит в том, что она одна из первых поняла необходимость пересмотра той научной парадигмы, которая была унаследована лингвистикой еще из ее «досемантического» периода и которая рассматривала семантику как нечто внешнее по отношению к внутренней структуре языка. Такое,

казалось бы, безобидное допущение, постулирующее произвольность связи значений с формой, приводило к выявлению бесчисленного множества локальных ad hoc-овых соотношений между языковыми формами и выраженными ими значениями.

Достаточно детальный анализ употреблений всякой формы выявлял необходимость учета необозримого числа контекстных и словарно задаваемых ограничений на реализацию того или иного значения этой формы, и всякий раз сохранялась возможность существования исключений, требующих дополнительных локальных правил.

В отличие от широко распространенного мнения, что «семантика есть независимая область знания, которую можно оставить тем, кто интересуется значением, в то время как другие лингвисты могут посвятить себя чему-нибудь другому», А. Вежбицка исходит из того, что «язык есть интегральная система, в которой все компоненты — слова, грамматические конструкции, иллокутивные средства (включая интонацию) — служат цели выражения значений. Если это так, то лингвистика естественным образом состоит из трех частей, которые могут быть наз-